

Прививка счастья

«*П*исать предисловие, скажу я вам, — это самое последнее дело для автора», — как справедливо заметил Николай Носов, писатель, подаривший нам «Незнайку» и еще немало прекрасных книг, населенных с детства любимыми персонажами. Заметил и пояснил: «Последнее — в том смысле, что автор обычно берется за предисловие уже после того, как написал книгу, — в последнюю, так сказать, очередь». Однако для меня как автора, приглашенного открыть книгу своим вступлением, это дело, наоборот, оказалось почти самым первым, не считая, конечно, прочтения рассказов и повестей.

«Куда уводят мечты» — вторая книга Ирины Митрофановой после продолжительного перерыва. Ее первый сборник «Неловкие души» (в названии слышна отсылка к известнейшей поэме Есенина) вышел еще в 2014 году и состоял из двух десятков коротких, казалось бы, вполне реалистичных историй о прошедшем детстве, не сложившейся жизни, невзаимной любви и трогательной нежности. Однако почти в каждой из тех историй сквозь какие-то метафизические прорехи и приоткрытые форточки быта то задувал ощутимый тревожный сквозняк, то вдруг выглядывала потусторонняя реальность.

На новом этапе творчества персонажи Митрофановой вполне узнаваемы. Они по-прежнему бывают неловкими и порой трогательно несовременными. Их можно посчитать добровольными «лузерами» или же «беспособниками», ведь чаще всего они готовы уступить лучшие места в театре жизни другим — более активным, ярким и востребованным. Понятие

«дружбы», в сознании многих утратившее свой ореол, для них по-прежнему значимо, хотя и труднообъяснимо:

«— Дружить? — удивилась Варя. — Да зачем же я тебе?..

— А зачем вообще кто-то кому-то? — логично возразила Лена.

— И то верно, — согласилась Варвара» («Муравейник»).

Общаясь, они отличают своих от других, от тех самых активных и востребованных, даже при отсутствии четких критериев:

«— А как ты определяешь, обезьяна или нет? — заинтересовался Максим, в очередной раз разливая коньяк по пластиковым стаканчикам.

Они расположились на маленькой истертой скамейке обезлюдевшей на зиму спортивной площадки.

— Да само как-то определяется, с ходу и не объяснишь. Ну, когда явно неразвитая особь, понимаешь, хотя для обезьян, может, и нормально» («Хрустальный шар Надежды»).

О поворотах и парадоксах женской судьбы (не только женской, но намного чаще, чем мужской) в малом жанре активно пишут многие современные писательницы. На ум приходят Лера Манович, Мария Косовская, Елена Тулушева. Авторская фантазия, поверх узнаваемых бытовых подробностей, безусловно задействована в творческой методе каждой из них, а периодическая жесткость ударов о жизнь уравнивается хорошо развитой самоиронией. Сюжеты же представленных в сборнике «Куда уводят мечты» рассказов и коротких повестей, намекая на реальные узнаваемые проблемы, обозначая их, каждый раз отстраняются от жесткого драматизма — почти все сложности и конфликты между персонажами возникают от недопонимания или комических (а иногда и космических) оплошно-

стей. И это вполне сознательная авторская установка. «Инопланетянка сказала, что у них похоже, но более справедливо. Если девочке-инопланетянке нравится мальчик-инопланетянин, она просто подходит к нему и говорит: «Ты мне нравишься». И это как волшебное слово. Мальчику, которому его сказали, девочка тоже сразу нравится начинает, а если мальчик девочке не нравится, то и она ему тоже никогда не понравится, поскольку волшебное слово произнесено не будет». («Маша и ее друзья-инопланетяне»).

Всем «по-своему несчастным» персонажам автор приготовила сказочные дары — своего рода утешительные чудеса на обочине жизни, но они же — и прививки счастья. Здесь могут «найтись» даже не рожденные и не зачатые, но кому-то очень нужные дети. Мимоходом отмечу довольно внезапную переключку с главным японским классиком всего XX века Рюноскэ Акутагавой и его антиутопической повестью в рассказах, известной под названием «В стране водяных». А неподалеку находится более явная и очень забавная отсылка не только к Г.Х. Андерсену, но и к «Обыкновенному чуду» Шварца:

«— Я царствовать?!

— Ну не я же. У меня сила воли слабая, и вообще я сопля примороженная, вся в отца. А правителю характер нужен» («Кай и Снежка»).

Рассказы, с самой первой «Встречи», органично включающие в себя элементы волшебства — волшебный трамвай или бассейны-порталы — чем дальше, тем больше сближаются со сказкой, вступают в ее жанровые границы: «Сказка и жизнь, они ведь на самом деле всегда рука об руку шли, только вот непосредственного контакта между нашими реальностями всё никак не случилось, лишь косвенное взаимодействие».

Обращу внимание на кинематографичность финальных произведений сборника. Например, по мотивам «Сказки про царевну Катю, царевича Васю, колдуна с колдуньей и прочих товарищей», где фигурирует проклятие не вполне пристойного свойства, так и видится хулиганский мульт в стиле «Шрэка». А каждая из трех частично фантастических повестей запросто могла бы стать эпизодом популярного сериала, тем более что и само их прочтение в спокойном темпе занимает примерно по часу времени.

При этом у читателя есть возможность наслаждаться как тонким психологизмом: «Ее лицо будто искало и не находило подходящего к случаю выражения, и от этого казалось нелепым в своей броской красоте» («Эксперимент»), так и удачными метафорами: «Солнце купалось в чуть волнующейся на легком ветру воде, но вода была все-таки холодной» («Дачный оборотень»).

А в «социальной утопии», как жанрово обозначена повесть «История вспомогательных людей», внезапный стыд за прошлое посреди рутинного разговора высекает искры исповедальной откровенности, которые освещают и сами отношения, и всё вокруг:

«— Ты прости меня, пожалуйста. Я тогда просто очень усталая была.

— Да что ты, Настя, за что прости-то? А я, по-твоему, зачем в это кафе пришел? Чтобы тоже просто по-быстрому.

— А сейчас у нас по-медленному, что ли?

— Нет, Насть, сейчас у нас по-настоящему».

Именно такой по-настоящему открытой и сердечной встречи с людьми, живущими под обложкой этой книги, я вам от души и желаю!

***Александр Евсюков,
прозаик, критик, сценарист***